

ПОВСЕДНЕВНОЕ ОБЩЕНИЕ, РЕЧЬ РЕБЕНКА И РЕЧЕВЫЕ РАССТРОЙСТВА: “ТОМОЛОГИЧЕСКИЕ” СХОДСТВА ГЕТЕРОГЕННЫХ И РАЗНОВЕКТОРНЫХ ПРОЦЕССОВ¹

© 2013 г. Н. Б. Мечковская

Показано, что трудности речепорождения обусловлены как объективными причинами (которые могут быть поняты в терминах типологии языков и лингвистики универсалий), так и субъективными (связанными с психолого-физиологическими и речемыслительными особенностями индивида). Наличие объективно трудных моментов обуславливает сходства в серийных нарушениях синтагматических и парадигматических механизмов речепорождения, а также в изъянах в способности к коммуницированию, наблюдаемых в спонтанной речи взрослых, детей и в речи с признаками афатических или шизофатических расстройств.

It is demonstrated that language handicap is caused by both objective and subjective factors. The former can be interpreted in terms of linguistic typology and linguistic universals; the latter is connected with psychological, physiological, and cognitive qualities of an individual. Impediments of objective nature affect the functioning of whole series of syntagmatic and paradigmatic mechanisms responsible for speech production, as well as an individual's ability to communicate – which might be observed in spontaneous adult and child speech, and also in aphasic or schizophrenic speech.

Ключевые слова: механизмы речи, спонтанная речь, разговорная речь, детская речь, афазия, шизофазия, трудности порождения речи, синтагматика, парадигматика, этимологизирование, окказионализмы, речевые расстройства, эмпатия, эгоцентрическая речь, некоммуникабельность.

Key words: speech mechanisms, spontaneous speech, informal conversation, child speech, aphasia, schizophrenia, speech handicap, syntagmatics, paradigmatics, folk etymology, speech disorders, empathy, egocentric speech, ability to communicate.

1. Три класса явлений, объективирующих процессы порождения и восприятия речи: патология речи, детская речь, повседневное общение

Крупнейшие нейролингвистические открытия (функциональной асимметрии мозга, речевых центров коры головного мозга, латентных фаз порождения и восприятия речи), а также гипотезы о локализации церебральных механизмов, ответственных за протекание тех или иных фаз соответствующих процессов были сделаны в медицине, в том числе в психиатрии, – в ходе лечения и исследования речевых патологий. Вторым по значимости источником представлений о языке как об устройстве для порождения и восприятия речи стали наблюдения за онтогенезом речи, при этом особую ценность составляют дневниковые (на протяжении ряда лет) записи развития речи своих детей, сделанные лингвистами (пионерами

этих исследований были И.А. Бодуэн де Куртене и А.Н. Гвоздев) и психологами (А.Ф. Левоневский, А.Н. Рыбников), а также собрания языковых фактов, показывающих отличия детской речи от взрослой. И в этом ряду книга К.И. Чуковского “От двух до пяти” (1928) по богатству и разнообразию языкового материала остается непревзойденной классикой жанра. Третий важный источник данных, позволяющих судить о процессах порождения и восприятия речи, – это обычная (медицински сохранная и взрослая) речевая деятельность во всех ее видах и проявлениях: говорение, письмо, слушание, чтение, пересказ, перевод, толкование слова, редактирование, проверка правильности или точности текста, аннотирование и резюмирование и другие виды компрессии текста (например, выявление ключевых слов), все виды языковой игры, а также некоторые более специальные виды метаязыковой деятельности (фонетико-фонологический, словообразовательный или иной лингвистический анализ; лемматизация, таггирование, токенизация и т.п.). Из всех видов сохранной взрослой речи наиболее разнообразный и при этом массово доступный языковой материал, релевантный для понимания психолингвистических

¹ В основу статьи положен доклад автора “Повседневная коммуникация в аспекте психолингвистики: границы речевой свободы”, прочитанный в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН на конференции “Проблемы речевого общения (X Шмелевские чтения)” (Москва, 24–26 февраля 2012 г.)

закономерностей порождения речи (однако не ее восприятия), представлен в спонтанной устной повседневной речи.

Психолингвисты издавна были внимательны ко всевозможным нарушениям плавного течения спонтанной речи – таким, как затянувшиеся паузы хезитации (беззвучные или заполненные нефонологическими звуками или ненужными словами: *Мм-ммэ-мм...*; *это самое...как его...* и т.п.), плеонастические повторы, пропуски (“проглатывания”) необходимых для понимания слов, оставшиеся недостроенными высказывания, смещенные конструкции, самоперебивы, автокоррекции, контаминации и т.п. Подобные точечные сбои сходны с легкими формами афазических расстройств, возникающих при локальных поражениях коры левого полушария (у правшей); повседневная речь вполне здоровых людей изобилует такого рода “микроафазиями”.

Однако для психолингвистики значительный интерес представляют не только речевые сбои, но и обычная относительно плавная повседневная спонтанная речь, потому что широкий круг тех явлений, которыми спонтанная речь отличается от кодифицированных форм речи, по лингвистическим признакам близки к проявлениям афазии. Это обнаруживается при обращении к языковому материалу исследований разговорной речи. В результате плодотворных и увлекательных исследований русской разговорной речи, проведенных в 1960-х–начале 1980-х гг. [1–19], было показано, что своеобразие разговорной речи имеет место на всех уровнях языковой структуры (от звукового и лексико-фразеологического до морфологии и синтаксиса); специфика разговорной была представлена в терминах лингвистической синхронии с учетом некоторых более широких тенденций в истории языка и коммуникации. Лингвистическая интерпретация своеобразия спонтанной речи, как и сами записи повседневной устной речи, существенно расширяют поле наблюдений за явлениями, которые объективируют процессы речепорождения.

Психолингвистическая ценность спонтанной речи обнаруживается также при ее сопоставлении с детской речью: между речью ребенка и спонтанной речью взрослого наблюдается значительная близость, которая отличает их от продуманной и подготовленной взрослой речи и сближает с речью, отмеченной признаками афазии. Сходства между афатическими чертами и особенностями детской речи имеют разный генезис и вектор развития, но могут быть близки в конкретных проявлениях: в обоих случаях имеет место недостаточ-

ность левополушарных систем речепорождения, однако если у афатика нарушены или ослаблены имевшиеся прежде речевые навыки, то у ребенка те или иные механизмы еще не сформированы или недостаточно упрочены. Помимо сходств спонтанной взрослой речи с явлениями, обусловленными несформированностью или разрушенностью левополушарных механизмов речепорождения, в статье будут показаны некоторые явления повседневной речи, сходные с тем, что наблюдается при правополушарных расстройствах сознания и коммуникации, сопоставимых с признаками шизофазии.

2. Повседневное общение в аспекте лингвистики и психолингвистики: различия в системах координат

Лингвисты и психолингвисты по-разному определяют место повседневного общения в коммуникативном пространстве. Лингвистика видит в повседневной речи определенные формы существования общенародного языка, которые соответствуют известным функционально-стилистическим регистрам общения и выстраивает (отчасти отображая, отчасти предписывая) их иерархию по отношению к литературному (нормированному) языку. В повседневном современном общении на русском языке используются идиомы, принадлежащие четырем формам существования общенародного языка: 1) диалекты, 2) городское просторечие или городские интердиалекты; 3) сленг (главным образом молодежный и молодежно-профессиональный); 4) разговорная речь как нижний функционально-стилистический регистр литературного (нормированного) языка. Есть основания считать, что разговорная речь – это наиболее широкая и перспективная (с позитивным будущим) форма коммуникации. В этом регистре идет повседневное общение людей с высшим и средним образованием. Сферы использования разговорной речи расширяются. В русле долговременных тенденций к демократизации общения разговорная речь интенсивно воздействует на язык СМИ, на устную кодифицированную речь (публичную и/или официальную), на искусства, использующие язык (художественная литература, театр, кино). Поэтому есть основания видеть в разговорной речи подлинную реальность языкового существования народа и источник прогнозов о завтрашнем дне в жизни языка.

В отличие от лингвистического определения разговорной речи (по ее месту в иерархии форм существования языка), для психолингвистики разговорная речь – это канал коммуникации, сво-

бодной по отношению к стандартам взрослости и медицинской сохранности речи, поскольку в разговорной речи эти нормы легко нарушаются. Поэтому для психолингвистики повседневное общение в качестве объекта исследования, в отличие от коммуникации официальной, оранжированной, письменной и отредактированной, приоритетно. При этом в аспекте психолингвистики детская речь, повседневная речь и речь с признаками речевых расстройств, несмотря на проницаемость границ между названными видами коммуникативных практик и взаимное сходство их отличительных черт, находятся в разных плоскостях коммуникативного пространства, не образуя ни континуума, ни иерархии.

3. Повседневная речь: минимум интеллектуальных усилий говорящих, минимум контроля и метаязыковой рефлексии

В повседневном общении, в том числе в разговорной речи, стихии коммуникации и речевая свобода говорящих проявляются максимально полно, поскольку это общение а) спонтанное (т.е. непринужденное и неподготовленное); б) устное; в) протекает с максимальной опорой коммуникантов на пресуппозиции, связанные с темой и конситуацией; г) слабо субординативное или нейтральное в плане субординации. В повседневном общении субординация бывает, но в незначительной степени – как в семье или как иногда микрогруппах на работе: это субординация по возрасту.

За пределами групп близких людей субординация нейтрализована ситуативно-ролевыми шаблонами речевого поведения (когда говорящий оказывается в роли то покупателя, то пассажира, то клиента, пациента и т.п.). Если же это общение на улице (*Как пройти в библиотеку?*) или в магазине (*Вы последний в кассу?*), то оно настолько автоматизировано и предсказуемо, что не требует от говорящих интеллектуально-языковых усилий, контроля и метаязыковой рефлексии, которые превышали бы минимум, необходимый для адекватной реакции адресата.

4. Объективные (языковые) и субъективные (индивидуальные психофизиологические) трудности порождения речи

Причины, по которым в речи взрослого здорового человека появляются те или иные погрешности, имеют разную онтологию. Одни причины

связаны в первую очередь с природой языка: разные единицы и категории в разной мере доступны для понимания, усвоения и использования в речевой практике. Различия такого рода, лежащие в самом языке, вызывают одинаковые для всех людей трудности; это объективные трудности. Другие причины речевых аномалий связаны с индивидуальными различиями людей (субъектов речевой деятельности); поэтому разные люди с разным успехом преодолевают одни и те же объективные трудности. Трудности речепорождения, связанные с индивидуальными психофизиологическими и речемыслительными различиями людей, можно назвать субъективными.

4.1. Объективно трудное и объективно легкое в языках

Данная оппозиция коррелирует с рядом доступных для эмпирического изучения свойств языковых явлений, а именно: а) универсальность, распространенность или редкость в языках мира тех или иных однопорядковых (сопоставимых) языковых явлений; б) относительная хронология усвоения сопоставимых явлений в онтогенезе (применительно к отдельному языку); в) различия между сопоставимыми явлениями (конкретного языка) в их частотности; г) различия между сопоставимыми категориями (конкретного языка) в регулярности их оформления.

Объективно легкие звуки, слоги, категории, синтаксические конструкции универсальны или широко распространены; объективно легкие слова частотны в речи, они недлинные, не содержат трудных звуковых комбинаций и построены по продуктивным моделям с предсказуемыми взаимоотношениями компонентов; дети раньше усваивают то, что объективно легко. Так, различение гласных по подъему легче, чем различение гласных по ряду; передние согласные легче, чем непредние (средне- и заднеязычные); фрикативные и взрывные согласные легче, чем аффрикаты; простые предложения легче сложных; бессоюзие легче сочинения, а сочинение легче подчинения; действительный залог легче страдательного; прямой падеж легче косвенных; первичные предлоги и союзы легче производных; необразное употребление слова понять легче, чем образное, а понять и образовать сравнение легче, чем понять и создать метафору, и т.д.; формулировки соответствующих универсалий см. в [20, с. 250–274].

Применительно к отдельному языку, в частности, русскому можно констатировать, что глагольное время легче категории вида; что придаточные предложения легче причастных оборотов (при равном количестве зависимых от глагола

актантов), а прямая речь легче косвенной; что определительные конструкции с прилагательным (*бабушкин платок, железная крыша*) легче, чем конструкции с генитивом, особенно без предлога (*крыша из железа легче, чем платок бабушки*) и т.д. Легко представить, как при восприятии относительно трудных языковых элементов или структур на электроэнцефалограмме дополнительные нагрузки на церебральные механизмы вызовут усиление амплитуд на участках волны, соответствующих тем миллисекундам, в которые происходит преодоление трудностей, т.е. понимание трудных элементов (ср. [21]).

При этом, однако, следует иметь в виду, что лингвистические свойства языковых объектов, коррелирующие с их “трудностью” или “легкостью”, иногда направлены конфликтно (разновекторно) и в таком случае не могут служить приметой трудности или легкости языкового явления. Например, по языкам мира наличие местоимений универсально, и всюду это высокочастотные и короткие слова, однако строение и функционирование местоимений (в индоевропейских языках) довольно прихотливо, а референция местоимений, в силу ее ситуативной изменчивости, усваивается ребенком относительно поздно. Данные психолингвистики также не позволяют отнести местоимения ни к трудным, ни к легким для говорящих категориям языка. Возможно, в аспекте легкости-трудности местоимения, в сопоставлении с другими незначительными словами, соответствуют как раз срединной части шкалы.

4.2. Речь на родном языке взрослых здоровых людей: субъективные трудности

Тот факт, что люди с разным успехом преодолевают трудности речи, известен давно. У Даля слова *косноязычный*², *косноязыня* толкуются так: ‘у кого язык коснит, спотыкаясь, заикаясь, либо произносит слова с трудом, неясно, невольно переиначивая некоторые звуки; заика, спотыка, а иногда и гугнивый’; в толковании слова *коснить* первые глаголы – *медлить, мешкать, бавиться* [22, II, с. 173]; ср. также образы затрудненной речи в записанных Далем поговорках и фраземах: *Говорит, как родит (с потугами); Слово по слову, что на лопате подает; У него слово слову костыль подает* (в отличие от того (скорее, “той”, т.е. женщины), кто языком кружева плетет); *У него во рту вехотка* [т.е. тряпка, ветошка]; *суконный язык* (шепелявый, картавый или косноязычный), *язык с подбоем* (о картавом или косноязычном).

² Первая лексикографическая фиксация в “Лексиконе славеноросском” П. Беринды (Киев, 1627); лат. *tardiloquus* отмечено И.Х. Дворецким у Сенеки.

Индивидуальные различия в легкости-затрудненности речепорождения бесконечно разнообразны и определяются факторами, которые можно различать по трем признакам. Одни факторы (наследственность, пол) являются константами; с ними связаны генетически обусловленные черты речевой деятельности индивида (прежде всего скорость нейропроцессов). Другие факторы, долговременные, но не врожденные (образование, профессия, социальное положение, возраст), действуют длительное, хотя и неравное время и могут в значительной, а в ряде случаев в решающей степени модифицировать генетически заложенные черты речевой деятельности индивида. Эти возможности появляются благодаря разнообразным знаниям о мире, аккумулированным в долговременной памяти конкретного индивида, его интеллектуально-речевой тренированности, коммуникативной опытности и подобным приобретенным качествам. В этой связи можно указать на достаточно заметные различия в легкости речепорождения между людьми с одинаковым уровнем образования и социальным статусом, но с разным присутствием в их профессиональной деятельности общения, в особенности публичного.

В третью группу объединяются факторы психолого-ситуативные – такие, как психологическое состояние каждого из коммуникантов (с чем могут быть связаны неисчислимы различия между, казалось бы, схожими коммуникативными ситуациями), например, экстремальное волнение в силу разных причин (критическая важность результата разговора; резкий социальный контраст между коммуникантами и мн. др.); непосильность задачи, например, при разговоре на недостаточно знакомую тему; усталость, апатия одного или обоих говорящих или, напротив, эмоциональный подъем и т.п.

4.3. Полярные зоны в континууме непреодоленных трудностей речепорождения

Индивидуальные различия в легкости-затрудненности речепорождения настолько разнообразны, что представляется полезным обозначить полярные зоны этого континуума окказиональных явлений живой речи – от минимального отклонения от узуса до максимального.

Минимальное лексическое затруднение, оставшееся “не преодоленным”, практически незаметно: оно могло состоять в несколько затянувшейся паузе при выборе слова. Более заметно, но совершенно обычно и, на мой взгляд, не мешает, но помогает взаимопониманию говорящих окказиональное метафорическое использование слова, ср.: *Она ни иголки, ни нитки, ни пуговки –*

ни одной этой музыки не взяла [Кап., с. 450]³; Толковый такой магазин, там всё есть [Кап., с. 459]. Слушатель, воспринимая подобные лексические неточности как вольное и отчасти художественное или игровое словоупотребление, ценит в них живое отношение говорящего к тому, о чем он рассказывает.

Минимальные метонимические окказионализмы, в сравнении с метафорическими, несколько более заметны, поскольку нарушают категориальную (но не грамматическую) сочетаемость лексем, ср.: В сереньком Достоевском “Бесы” есть? [Кап., с. 429]; Мы не можем снести 150 тысяч яиц (т.е. наша птицефабрика, куры этой фабрики) [Кап., с. 430].

Минимальные “нестыковки” в грамматической организации высказывания происходят при нарушении согласования или координации прилагательного или глагола с существительным. Например, в прямом радио- и телеэфире ведущая, переходя от одной темы часовой программы к новой, негромко и несколько замедленно, как бы в раздумье, говорит: Еще одна очень важная момент ... Журналистка, скорее всего, заметила возникший аграмматизм, но не исправила оговорку, чтобы не делать ее более заметной и не терять на исправление эфирные секунды; но, главное, потому не исправила, что “и так понятно”.

Максимум непреодоленных трудностей, синтаксических и лексических, можно видеть в следующем фрагменте из рассказа пожилой образованной ленинградки о поездке в Неаполь: [...] Когда приезжаешь поездом, выходишь, везде написано “Берегитесь воров” [...]. Потому что там, если вы разговариваете, поставите у это... ни а... Они очень ловкие [...]. Так что там предупреждают, когда приезжает, нужно обязательно брать ...э... портье, который ... ну имеет из гостиницы. Знаете у него... написано там, гостиница такая-то. Он только может, ему доверять можно вещи [15, с. 108]. В приведенном случае трудности речепорождения связаны, во-первых, со щекотливостью ситуации: дама по деликатности не может назвать воров ворами или видеть в конкретном человеке вора; во-вторых, по-видимому, ей самой недостаточно ясна ситуация и ее актанты: из цитированного текста трудно

понять, что именно надо брать в связи с портье – носильщика в униформе отеля или что-то еще.

Замечу, что в предисловии к цитированной антологии составители пишут, что “стремились найти таких информантов, которые свободно и легко говорят” [11, с. 12]. Однако в книге немало примеров сбивчивой речи, с обрывками синтагм и пропусками слов, без которых слышимую речь почти невозможно понять. Речемыслительные затруднения здорового человека могут быть настолько большими, что его речь в состоянии стресса, депрессии или аффекта может быть практически не отличимой от афатической речи.

4.4. Оппозиция синтагматики и парадигматики в порождении речи

Далее (разделы 5–8) в обзоре особенностей разговорной речи, сходных с некоторыми чертами детской речи и признаками речевых расстройств, языковые явления систематизированы, во-первых, по их уровневой принадлежности (грамматика, лексика, коммуникация) и, во-вторых, в зависимости от того, с какими операциями (или механизмами) речепорождения – синтагматическими или парадигматическими – связаны эти черты. Различение синтагматических и парадигматических отношений между языковыми единицами, предложенное Ф. де Соссюром⁴ и давно доказавшее свою эвристическую ценность, в нейролингвистических работах А.Р. Лурия было принято в качестве основы первичной классификации афазий [23, с. 18–19, 34 и сл.; с. 141–147]. Р.О. Якобсон, со ссылкой на ранние послевоенные труды Лурия, называл указанную оппозицию (в его терминологии, – “дихотомия комбинации и селекции”) первой из трех дихотомий, определяющих главные типы афазии [24, с. 289, 297]; см. также в более поздней статье Якобсона указание на ключевое для афазиологии значение “пары синтагматика / парадигматика” [25, с. 282–283].

С работой синтагматических механизмов связаны следующие фазы речепорождения: 1) выработка замысла или цели речевого действия; при расстройстве соответствующих механизмов у больных нарушается “речевая инициатива”, А.Р. Лурия называл такое состояние “синдром пустоты мыслей”; это тяжелые расстройства, но их менее глубокие и кратковременные аналоги известны в повседневной жизни (когда оцепенение проходит, люди говорят: *растерялась, как в каком-то ступоре; молчу, не знаю, что сказать, с чего начать*); 2) разработка логико-синтаксиче-

³ Алфавитный список сокращений источников приводится в конце статьи. Языковые примеры относятся только к лексико-фразеологическому и грамматическому уровням языка. При отборе иллюстраций предпочтение отдавалось опубликованным материалам, хотя использованы также записи и автора. Синтаксическое членение высказываний передается с помощью обычной пунктуации.

⁴ В “Курсе общей лингвистики” Соссюра (1916) современному термину *парадигматический* соответствует термин *ассоциативный*.

ской (смысловой) схемы высказывания (“первичная семантическая запись”, в терминах Лурия); 3) преобразование логической схемы в линейную синтаксическую конструкцию того языка, на котором идет общение; 4) морфологическое приспособление элементов речевой цепи друг к другу. Что касается парадигматических механизмов речепорождения, то они ответственны за выбор нужной единицы – фонемы, слова, словоформы, конструкции – из (под)класса, в который входит искомым компонент.

5. Синтагматические трудности речепорождения

5.1. Синтаксические упрощения разговорной речи как результат экстерниоризации внутренней речи

Повседневное общение близко к внутренней речи с ее рематичностью (в ущерб экспликации темы, которая для говорящего как бы “сама собой понимается”), синтаксической не(до)оформленностью, смысловой (лексической) свернутостью. Существенные черты спонтанной речи можно понять как процесс экстерниоризации (“овнешнения”, “вывода наружу”) тех или иных обычно латентных фаз в порождении высказывания. В их числе – та ранняя фаза, которую А.Р. Лурия называл “первичная семантическая запись”, когда первоначальная интенция говорящего реализована в опорных смыслах, однако до их расстановки в глубинные логико-синтаксические структуры дело не доходит. В других случаях, на более продвинутых этапах речепорождения, глубинные логико-синтаксические структуры преобразуются в поверхностный линейный синтаксис, однако в спонтанной речи этот процесс может быть не доведен до конца или упрощен. На следующем этапе лексического поиска (по своей сути процессе парадигматическом) и заполнения формируемой синтаксической конструкции синтагматические трудности могут сказаться в неузуальной лексической и (реже) грамматической сочетаемости компонентов.

Обратимся к записям разговорной речи. Про давца в ювелирном магазине говорит: *А у нас янтарь / брошечка одна сколько стоит* [Шир., с. 313]. Е.Н. Ширяев, отмечая синтаксическую неполноту фразы (здесь не замещена позиция предиката), интерпретировал высказывание так: ‘у нас янтарь дорогой, поскольку даже одна брошечка из янтаря стоит дорого’ и ставил вопрос: “Каким же образом создается смысл ‘дорогой’? Ведь специального слова для его реализации в высказывании нет” [11, с. 314]. Объяснение ав-

тор видел в том, что смысл фразы понимается благодаря интонации и макроконтексту. Действительно, судя по всему, о том, что [‘этот’] магазин дорогой, было сказано прежде обсуждаемой реплики, поэтому уже высказанная характеристика магазина является темой (данностью) текущего высказывания; тема разумеется “сама собой” и поэтому легко опускается в произносимой речи, а в реме сообщения представлено доказательство или следствие того, что магазин дорогой: *брошечка одна сколько стоит*, и вновь с пропуском слова, называющего тему диалога.

В спонтанной речи отдельное слово может стать именем целой ситуации. Ср. из записей в Москве конца 60-х гг.: *Тут как раз пальто наступило, и я совсем перестала к ним ездить*, поскольку, комментирует Л.А. Капанадзе, “надо было шить пальто, ездить на примерки” [Кап., с. 437]. Странноватая и сильная образность: *наступило пальто* – как наступает время года, стихия, страда, болезнь (метонимическое расширение, переходящее в метафору). При этом лексико-синтаксическая неразвернутость фразы вполне обычна, ср. аналогичные факты: *Прошлогодняя картошка совсем меня из строя выбила* (т.е. поездка в колхоз на уборку картошки) [Кап., с. 437]; *В этом году мы яблоки совсем забросили. Как раз болели тогда* [Кап., с. 437]. Здесь слово *яблоки* выступает как окказиональное имя для ситуации сезонных хлопот, когда яблоки заготавливают, сушат, консервируют и т.д., причем слушающий “по жизни” знает, что обычно делают с яблоками в этой семье, – допустим, консервируют, но не сушат.

В исследованиях русской разговорной речи 1960–70-х гг. для подобных синтаксических упрощений и смысловой конденсации были выработаны детальные синтаксические и онома-сиологические характеристики и интерпретации. В терминах синтаксиса это такие явления, как высказывания с незамещенной синтаксической позицией (*А у нас янтарь брошечка одна сколько стоит; Кофе я пять ложек положил* [Шир., с. 315]); высказывания с интерференцией и / или контаминацией двух синтаксических структур (*Ты купи астры у ВДНХ продают цветы обычно* [Шир., с. 340]; *Потому что времени остается у меня нет* [Лапт. 1976, с. 121]; *Вы бы покрылись, ноги-то* [Лапт. 1976, с. 121]); слабооформленные построения; грамматически не выдержанные, в том числе контаминированные структуры (*Некоторые прямо по две корзины ягод обратно едут* [Лапт. 1976, с. 121]; *Ты там не близко уборной свет?* (Просьба зажечь свет в уборной) [Лапт.

1976, с. 121]; *Корова-то тут хорошая порода* [Лапт. 1968, с. 356]; *Вот эта белая вы мотали по шесть рублей?* [Лапт. 1968, с. 363]; увеличение самостоятельности зависимых синтаксических единиц (*Вы ходили ёлку где повалило?; Увидела тут будочка-то с Андреем всё ходили* [Лапт. 1968, с. 363]); экспансия именительного падежа (*А сахар большие пачки у вас нету?* [Лапт. 1968, с. 353]; *Они уже неделя стоят* [Лапт. 1968, с. 356]; *У Игоря была чашка тонкий фарфор; Магазин “Синтетика” выходите*); элиминация избыточных элементов высказывания (*От желудка что-нибудь; У меня нервы, я без отпуска не могу; Я тогда тоже с ногой лежала; Ну щас не проблема шерсть* [Лапт. 1976, с. 127]) и нек. др. Всё это аналоги синтагматически недостроенных высказываний, однако они узаконены практикой речи. В терминах лингвистики, всё это не только заметные, но и диахронически объяснимые явления, в которых реализуются некоторые широкие тенденции развития грамматики и ономастологии – такие, как распространение сжатых синтаксических моделей, в том числе интонационных клише; сокращение падежных различий; распространение однословных (семантически конденсированных) обозначений ситуаций. С точки зрения психолингвистики представленные факты говорят об ослаблении синтагматических усилий говорящих, потому что “и так поймут”. Вот этот дефицит усилий по преодолению трудностей речепорождения и придает повседневной речи ту раскованность и небрежность, которые граничат с речевыми расстройствами.

При этом, однако, недостаточная синтагматическая выстроенность разговорной речи в большинстве случаев не приводит к недоразумениям, и это не столько благодаря “подсказкам” ситуации и презумпции осмысленности, но прежде всего потому, что в повседневном общении люди отнюдь не часто затрагивают глубокие аспекты межличностных отношений и тем более не стремятся “на ходу” решать проблемы и конфликты. Житейская мудрость приучает, скорее, жить с проблемами, чем их распутывать или разрушать. Но, разумеется, некоторые недоразумения (“коммуникативные неудачи”) повседневной речи связаны как раз с речевой небрежностью говорящих [26, с. 30–64], однако, на мой взгляд, вина речевых сбоев и вольностей, не говоря о “вине языка”, серьёзно преувеличена (см. в этой связи [27, с. 210–211]). Характерно, что А. Мустайоки в перечне “основных рисков для общения” при повседневных разговорах дома относит к рискам собственно речевым один класс явлений: “невнятность речи (из-за быстрого темпа)”, в то

время как остальные риски (“неслушание (реципиент думает о другом), неслышание (например, из-за шума), иллюзия общего ментального мира”) [28, с. 84] находятся за пределами языка и речи.

5.2. Синтагматическая зыбкость детской речи

В несложном и эллиптическом детском синтаксисе синтагматические казусы связаны с трудностями морфологической координированности словоформ в порождаемом высказывании. Нужные синтаксические позиции заполняются формами, которые на данном этапе развития конкретного ребенка являются самыми упроченными, что далеко не всегда совпадает с теми формами, которые в узусе требуются синтаксической структурой порождаемого высказывания. В результате в 2–3 года появляются аграмматизмы вроде *Мама, сядь я* ('Мама, посади меня'); *Дядя палка бабе* ('Дядя [дал] палку бабе'); *Сабака баял* ('собаку забоялся') [Гвзд., с. 49] и т.п. В ближайшем окружении ребенка чаще может звучать женская речь (матери, няни, старшей сестры); в результате маленький мальчик вначале использует применительно ко всем людям формы жен. рода, ср. в записях детской речи у А.Н. Гвоздева: *Папа легла спать* ('Папа лег спать') [Гвзд., с. 42], *Мальчик лигла спать* ('Мальчик лег спать') [Гвзд., с. 43]. По той же общей причине (недостаточная усвоенность нужных грамматических форм) в детской речи какое-то время может звучать только одно отрицание (*нет*), фонетически более заметное, чем *не*: *Нет дам каляндас!* ('Не дам карандаш') [Гвзд., с. 61]; инфинитив (особенно тех глаголов, повелительное наклонение которых ребенок усваивает позже) используется вместо глагольных личных форм (*Киська пиць* 'Киска пьет' [Гвзд., с. 25]; *Мама гулять; Баба мыть*); Им.п. используется вместо пока еще трудного Вин.п.: *Дай кабюцька!* ('Дай коробочку!') [Гвзд., с. 36], *Мама ниська читать* ('Мама книжку читает') [Гвзд., с. 23], *Калотка тетя дала* ('колодку тетя дала') [Гвзд., с. 52]; более выразительный Вин.п. по женскому роду (*Дай не яблцьку* ('Дай мне яблочко')) [Гвзд., с. 71] предшествует узуальной форме, омонимичной именительному. В отличие от синтагматических нарушений при афазии, приводящих к резкому ослаблению интонационного оформления речи, в детской речи, напротив, роль интонации выше, чем в речи взрослых, поскольку ребенок овладевает интонационной стороной речи задолго до грамматически и особенно лексически выстроенных высказываний. Это позволяет ребенку долго обходиться без глаголов и без падежной координации словоформ. Поэтому в чисто синтаксическом плане (особенно в записях

на бумаге) детская речь своей безглагольностью, а также отсутствием предлогов напоминает речь с синтагматическими расстройством: *Кисень пецька* ('кисель на печке') [Гвзд., с. 22], *Дядя бадя* ('дядя вода') [Гвзд., с. 22], *Мацук баба* ('Мальчик баба') [Гвзд., с. 22] *Дядя ник* ('Дядя снег') [Гвзд., с. 24]. Ср. в передаче больного рассказ о поисках сокровищ затонувшего корабля: *"Вот... буря... корабль... вот на дно... и там... золото.. деньги.. водолаз..."* [Лур. 1975, с. 78] Ср. в повседневных разговорах здоровых людей: – *Какая Люда?* – *Которая Игорь* (имеется в виду 'Люда, у которой муж Игорь'); *А сахар большие пачки у вас нету?* [Лапт. 1968, с. 353].

В лексической синтагматике детской речи ее незрелость сказывается в неузуальных сочетаниях, возникших на почве метонимического или парадигматического смешения слов: *Посоли сахаром* [Чук., с. 51]; *Вот если бы ты мне купила каблук и шляпу!* [Харч., с. 199]; *Бабушка купила две курицы* [Харч., с. 199]; *Под кроватью живут мышкыны птенчики* [Чук., с. 79]; *кочан кукурузы* [Харч., с. 230]; *зверский врач* [Харч., с. 179]; *Кто его [грязное место. – Н.М.] мусорил?* [Харч., с. 290] и т.п.

5.3. Нарушенность синтагматических механизмов порождения речи у афатиков. "Телеграфный стиль"

Даже повторная речь при нарушении механизмов, ответственных за грамматическое приспособление слов друг к другу, оказывается невозможной. «Больной, которому предлагается повторить фразу "Мальчик ударил собаку", обычно воспроизводит лишь отдельные ее вещественные обозначения: "мальчик... собака..." или же в лучшем случае обозначает действие в словарной (нулевой) форме: "мальчик... собака... ударить"» [29, с. 281]. При поражении синтагматических механизмов речепорождения страдает синтаксис; из речи выпадают глаголы (обычно играющие главную в синтаксической организации высказывания) и "связующие" служебные слова – союзы и предлоги. При этом парадигматические механизмы речи остаются в основном сохраненными: больной в состоянии повторить изолированные слова, свободно называет отдельные предъявляемые ему предметы, однако он не в состоянии соединить смыслы в логико-синтаксическую схему. Такая речь – с нарушениями предикативной организации высказывания, но при сохранении номинативной функции – в клинической неврологии получила название "телеграфный стиль" [29, с. 280–281]. Вот как передавал историю своего ранения на фронте больной с синтагматическими расстройствами речи: "Вот... вот... фронт...

вот... наступление... вот... пуля... вот... ничего... вот ... больница... операция... вот... речь... речь..." [Лур. 1979, с. 281].

6. Парадигматические трудности в выборе нужного слова: семантико-ономасиологические инновации взрослых и детей

6.1. Диффузные наименования в спонтанной речи: лексические парафазии, контаминации и неологизмы

Для спонтанной речи характерны разного вида неточные, приблизительные, диффузные и эллиптические наименования людей, предметов, ситуаций.

Широко распространены и для разговорной речи специфичны наименования, которые Л.А. Капаназе называла "слова-губки", "слова-эрзацы", полуместоименные "слова-указатели", способные обобщенно и экспрессивно называть группы разнообразных предметов, сходных в том или ином отношении. Это такие слова, как *вещи* (*И мы огурцы, помидоры, вещи все эти только на рынке покупаем* [Кап., с. 450]), *дело* (*Да нельзя это дело с эстрады петь* [Кап., с. 451]), *штуки* (*Где у вас паркет, лаки штуки эти продают?* [Кап., с. 450]), в сходных значениях возможны также слова *музыка, история*; слова более узкого применения: *временка* (в значении 'нечто временное'), *предбанник* (в значении 'приемная, комната для ожидания', иногда 'проходная комната'), *брандулет* (для обозначения чего-то механического, например, кофеварки), *бандура* (для обозначения чего-то громоздкого, например, шкафа), *бумажки* (в значении 'деловые бумаги; документы'), *железки* (в значении 'инструменты; железные детали'), *водичка, вода* (в значении 'минеральная или фруктовая вода') и т.п.

Окказиональное словоупотребление, вызванное парадигматическими поисками названия, приводит к синтагматическим странностям. Нечасто некоторые группы явлений, характерных для разговорной речи, рассматриваются как черты и синтаксиса, и ономасиологии и семантики. Таковы, в частности, конструкции с относительным местоимением, присоединяющим инфинитив (*Поставь из чего тут*); глагольные номинации на основе синтаксических упрощений (*Напротив живет на курорт уехала; А отбивает у нас соседка взяла* [о молотке для отбивки мяса]); семантические конденсаты на основе эллипсиса полностью предсказуемых слов (например, без-объектное употребление глаголов *оканчивать*

(обучение), *поступать* (в учебное заведение), *присылать, посылать* (деньги), ср.: *Надя в этом году оканчивает и поступает, у нас будет лето не приведи Бог* [Кап., с. 425]; *Дочка вам присылает?* [Кап., с. 425]. Семантические модели подобных наименований, как и соответствующие им синтаксические структуры, быстро типизируются и становятся привычными.

Впрочем, когда одно слово (как правило, субстантив) выступает как “имя ситуации” (термин Л.А. Капанадзе), смысл всей фразы становится менее предсказуем, ср.: *Ну как, окончился твой телефон?* (т.е. хлопоты об установке телефона) *Они прекрасно переносили столовую, а я не привыкну никак* (т.е. соседство шумной столовой) *Она даже не вспомнила дачу, до того закрутилась* (не вспомнила, что надо снимать дачу) [Кап., с. 437–438]. Последние примеры (с “именами ситуации”) показывают, что дело не только в сокращении и редукции высказывания, но и в стремлении выразить более широкий или общий смысл, чем позволяет одно слово.

Однако и в более типизированных случаях глагольных обозначений предметов и людей (*Есть чем писать?*; *Молоко привозит сейчас в отпуске, да?*; *На балконе сохнет сними, пожалуйста* и т.п.) первоначальным изменением является поиск подходящего слова, и это может быть связано с совершенно простыми бытовыми обстоятельствами. Например, когда человек говорит “*Поставь из чего пить*”, то, возможно, он не знает, что лучше поставить (стаканы, фужеры, стопки, рюмки, бокалы); не знает, надо ли выбрать или поставить любые такие предметы, по одному у каждого прибора или по два-три, и т.д., и при этом говорящий не хочет уточнять, что именно надо поставить... Иначе говоря, имеет место довольно широкая психологическая и ситуативная вариативность выбора номинаций. Номинация *молоко привозит* – тоже не случайна: скорее всего, это не молочник, а *развозчик товаров*, и он прежде всего *водитель* своего транспортного средства; номинация *на балконе сохнет* в конкретном случае может обозначать и белье и то, что не считается бельем (например, *свитер*), а говорящий просит *снять всё, что сохнет*.

Лексические парафазии, т.е. оговорки типа *выключи пылесос* (вместо *выключи холодильник* или *микроволновку*) и наоборот; *талоны* вместо *жетоны* (если на транспорте, как в Минске, используются и талоны и жетоны); *шорты* (вместо *гольфы, колготы*) и наоборот, а также контаминации (*белток* [из *белок* + *желток*], *коки пизари* [из *тики козыри*]) представлены в спонтанной

речи, конечно, менее широко, чем семантически диффузное словоупотребление, но это присутствие постоянно.

Наконец, с парадигматическими поисками подходящих обозначений в разговорной речи связано активное словотворчество говорящих. Многие разговорные неологизмы, особенно поддержанные соответствующими словосочетаниями в кодифицированной речи (*электричка, щитовидка, зарубежка*), прочно входят в разговорный узус. Однако значительная часть разговорных неологизмов – это окказиональные “дежурные” слова, легко созданные “на случай”, для одноразового применения, как, например, в следующем полуйгровом разговоре покупателя и продавца о кукле: – *Она пицалка?* – *И пицалка, и моргалка* [Кап., с. 441].

6.2. Поиски названий в детской речи: когнитивное назначение семантических и словообразовательных окказионализмов

Семантические неологизмы ребенка – это переносы, преимущественно метафорические, известного названия на новый, еще пока неизвестный ребенку предмет. Например, мальчик впервые видит из окна электрички колодец с воротом и удивляется: *Какая большая мясорубка!* Другой ребенок впервые увидел похороны и рассказывал об этом так: *Из нашего дома вынесли лодку, потом еще лодку, в ней умерший дядя, положили его на грузовик, закрыли другой лодкой и увезли* [Чук., с. 117], т.е. у этого ребенка слово *лодка* пока, кроме узуальных значений, обозначает также ‘гроб’ и ‘крышку гроба’; еще один мальчик впервые увиденную им лампадку под иконой осмыслил как *стоп-сигнал*, а впервые увиденную грозу – как *салют* [Чук., с. 124]. В детской речи нередко также глагольные семантические окказионализмы, в которых семантика глагольного слова обычно окказионально “возвращается” к своим физическим истокам: *Пойдем в лес заблуждаться* [Чук., с. 37]; *Да что ты от меня всё ухаживаешь?* [Чук., с. 37]. Впрочем, встречается окказиональное употребление в чисто психологическом смысле: *Мама сердится, но быстро удобрывается* [Чук., с. 67], что косвенно свидетельствует о ранней семантической диффузности праславянского **dobrъ*.

Детские семантические неологизмы служат прежде всего когнитивному развитию ребенка (не коммуникации), и, в отличие от некоторых фактов взрослой речи, они абсолютно окказиональны и эфемерны. Применение слова *мясорубка* по отношению к колодцу продлилось у ребенка меньше минуты – пока сидевшие рядом

родители не сказали ему, что это не мясорубка, а колодец.

В детской речи среди словообразовательных неологизмов-существительных больше контаминаций (соединений двух знаменательных слов), чем одноосновных образований. В результате контаминации получается название для нового представления, ср. из книги Чуковского: *паукан* [*паук* и *таракан*], *шапка с морякорем* [*моряк* и *якорь*], *пиджакет* [*пиджак* и *жакет*], *жукашечка* [*жук* и *букашечка*], *луксус* [*лук* с *уксусом*], *подхализа* [*подхалим* и *подлиза*], в то время как большинство дериватов одного корня – это адъективные и глагольные модификации некоторого исходного представления (*червячее яблоко*, *жмутные туфли*, *пугательные сказки*, *дочкастая мамаша*; *намакаронился*, *вся ёлка обсвечкана*, *отскорлупай яйцо*, *замолоточь гвоздик*, *наоборотливая* (ср. контекст: *Говорят, надень чулки, а я надеваю носки. Я вообще наоборотливая* [Чук., с. 33]) и т.п. За преобладанием контаминаций стоит предпочтение названий с более прозрачной мотивированностью; представляя собой разновидность сложных (двукорневых) слов, контаминации всегда более мотивированы, чем дериваты одного корня.

Важное отличие детских окказионализмов от неологизмов взрослой речи состоит в том, что ребенок не осознает возникшее в его речи слово, тем более семантический неологизм, как новое обозначение, которое он сам “придумал”; ему кажется, что он использует готовое, имеющееся в языке подходящее слово. Дело в том, что в формирующемся сознании ребенка языковые значения и их оболочки не упрочены и даже не достигли хотя бы, так сказать, некой начальной, “молочной”, спелости, и ребенок еще не чувствует определенности, “завершенности” слова, в особенности в его семантике и морфемной структуре. Ср. у К.И. Чуковского: «Любопытная особенность детских приставок: они никогда не срastaются с корнем. Ребенок отрывает их от корня и легче и чаще, чем взрослые. Он, например, говорит: – *Я сперва боялся трамвая, а потом вык, вык и привык*. Он не сомневается в том, что если есть “привык”, то должно быть и “вык»» [30, с. 29].

6.3. Лексический поиск при афатических и шизофатических расстройствах

Афазиологи в курсах реабилитации больных после семантических афазий наблюдают лексические трудности, которые в чем-то аналогичны поискам подходящих обозначений в обычной речи, но только у больных эти трудности возникают на каждом шагу и далеко не всегда приводят

к искомому результату. При акустико-мнестической афазии (впервые описанной А.Р. Лурия и охарактеризованной им как “*синдром лошадиной фамилии*”) ослабляется или утрачивается связь между звучанием и значением слова, что ведет к нарушению слухо-речевой памяти и иногда к сужению ее объема. Больные в поисках нужного слова пытаются воссоздать привычный для этого слова контекст: *ну вот, это чем пишут*; или: *... вот... как это... я причёсываю волосы ... ага...! гребешком!*; *ну как... это она? Ну вот я размешиваю чай... ложкой!! Ложка!* [Лур. 1975, с. 112].

Пока не затронута синтагматика, это относительно неглубокое расстройство. Лурия пишет, что именно потому, что синтаксис у таких больных остается сохранным, они «пытаются обойти эти дефекты [в парадигматической организации фразы], обращаясь к привычным фразовым образованиям, используя сохранные синтаксические структуры, пытаясь включить искомое слово в нужный контекст и прийти к нему [к этому слову] путем включения его в сохрannую у них плавную обиходную речь. Именно поэтому такие перифразы, как “Ну вот... этот... как его... ну этим причесываются... ну волосы... нет... ну... парикмахер... нет” заполняют всю их речь» [23, с. 136].

Трудности с подыскиванием нужного слова иногда приводят к его замене другим словом как бы в “искомом” значении, которого, однако, у этого слова в норме нет. Так возникает индивидуальное патологическое употребление слова: «Не будучи в состоянии найти нужное слово, эти больные заменяют их другими словами того же семантического поля: “положил” вместо *нашел*, “мальчик” вместо *взрослый*, “посмотрел” вместо *забыл* и т.п.» [23, с. 121]. Использование “не тех”, но парадигматически близких слов может не отразиться на синтагматике коротких фраз (ср. примеры, приводимые А.Р. Лурия [23, с. 121–123]: *Я уже всё помню* (вместо *забыла*); *Михаил Васильевич, мой муж* (вместо *мой врач*), но заметны в более развернутых высказываниях: *В саду за высоким забором летят яблоки* (вместо *висят* или *растут*). При паралексии обычно смешивают парадигматически близкие слова, как *пальто* и *шуба*, *буфет* и *комод*, *тетрадь* и *книга*, *яблоко* и *огурец* и т.п. [Лур. 1975, с. 139–140]; но иногда смешиваются слова, близкие не столько парадигматически, сколько ситуативно или “тематически” (как, например, *сырость* вместо *мокрица* [Лур. 1975, с. 121]). Иногда в парадигматических поисках слова больной создает окказиональное слово: *гвоздильник* вместо *молоток* [Лур. 1975,

с. 121], хотя для афазии, в отличие от шизофазии, неологизмы в целом не характерны.

Семантические неологизмы в речи шизофреников имеют принципиально иную, чем у афатиков, природу: они вызваны не поиском нужного слова и его паралексическими заменами, но отражают индивидуальное переосмысление мира. У больных шизофренией наблюдается ложная (патологическая) семантизация слов. Например, больная стала иначе, чем в узусе, понимать слово *думать*: она «говорит, что про человека нельзя сказать, что он думает: “Думает индюк, а человек мыслит”» [31, с. 63]. Другой больной разучился понимать вторичное, вполне узусное значение слова; у него произошло как бы “высвобождение слова из контекста” (выражение психиатра). Больному говорили: “– Дайте мне вашу руку”. На это он отвечал: “Ну да, я вам дам руку, а сам останусь без руки” [Лебд., с. 59]. Высокая нарушаемость и лабильность значений при шизофазии приводит к явлению, которое М.С. Лебединский характеризовал как “патологический полисемантизм”: одно слово в одном контексте может одновременно иметь более, чем одно значение (что обычно не свойственно здоровой речи, хотя и встречается в художественных и игровых текстах). Вот как об этом говорил сам больной: “У меня на каждое слово три значения: то, что оно означает, то, что оно может означать; то, что подразумевается” [Лебд., с. 60].

7. Этимологизирование в повседневной речи, у детей и при речевой патологии

Этимологизирование, т.е. стремление понять мотивированность слова, характерно для сознания, которое активно вбирает в себя новые знаки; это один из интеллектуальных механизмов ускоренного и прочного овладения лексикой. Этимологизирование достаточно широко представлено в речи дошкольников – именно потому, что они с интенсивностью, которая уже в 12–14 лет окажется для них недоступной, овладевают языком. Уяснение мотивированности слов поощряется в школе (чему служат упражнения в морфемно-словообразовательном анализе слов и поморфемные переводы интернационализмов). Однако, по мере взросления и сокращения притока в лексикон индивида новых слов, “этимологическая рефлексия” говорящих существенно сокращается, хотя, разумеется, различия между индивидами здесь достаточно широки, что связано прежде всего с характером образования и профессии. Что касается повседневного устного общения, то здесь

следы “этимологической рефлексии” почти отсутствуют. Есть, однако, и исключения.

7.1. Народная этимология в повседневном общении компьютерщиков

Бурное развитие информационных технологий привело к беспрецедентному в истории русского языка притоку англицизмов не только в профессиональный лексикон “айтишников”, но и в небывало популярный интернет-компьютерный сленг, первоначально молодежный и до сих пор престижный. Создатели сленга, в силу особенностей профессии обладавшие продвинутой метаязыковой рефлексией и хронически нуждавшиеся в смеховой интеллектуальной разрядке, усваивая английские термины программирования, постоянно их обыгрывали, комически переименовывали (на основе “народной этимологии”), причем всегда с “понижением” и огрублением интернет-компьютерных ассоциаций.

Приведу некоторые примеры смеховой народной этимологии английских первоисточников в русском “айтишном” сленге. Английские названия компьютера (*computer, IBM PC, PC*) переделывался так: *атишка ибээма* (также *бима, ибээмка*), *комп, компик, компостер, компук, компустер, компутер, компухтер, контупер, писи, писишка, писюг, писюк, писюха, пися, псих, путер, цампутер, числогрыз, шампутер* [Левик., с. 776; Ник., с. 867]. В значении 'Windows' встречаются такие слова и обороты (по алфавиту): *винда, виндец, виндовоз, виндоза, виндозе, виндуз, виндуза, виндусятина, винды, виндюк, мелкомяские, мелкомяские окна, окна, окноуз, окошки, ставни, стёкла, стекляшки, форточки* [Ник., с. 856; Вальт., с. 66–67]; *мэйл* “этимологизируется” как *мыло, мыльница, Емеля*; *User-guide* – как *юзер-гад*; *юзер* – как *юзерь*; *Билл Гейтс* – как *Вовчик Воротов*; *интерфейс* – *междумордие*; *debugger, дебаггер* – *деблохер, клоподав*; *дисплей* – *дисплой*; *Navigator Netscape (программа)* – *нафигатор* (см. [32; 33, с. 503–511]).

7.2. Этимологизирование в речевой деятельности ребенка. Отказ от “неправильно” мотивированных обозначений

В разделе 6.2. говорилось о том, что многие детские неологизмы, особенно контаминации, отражают детскую тягу к мотивированным названиям, к словам с прозрачной внутренней формой. К.И. Чуковский не раз приводит аргументы детей, которые “бунтуют” против “неправильных” названий и предлагают понятные: *не перчатки, а пальчатки* [30, с. 44], *не молоток, а колоток* [30, с. 23], *не ручей, а журчей* [30, с. 39], *не сухарик, а кусарик* [30, с. 23], *ногти у нас на ногах, а ко-*

торые на руках – это рукти [30, с. 40], корова не бодает, а рогает [30, с. 41], гуси идут гуськом, а утки – утьком [30, с. 41] и т.п. Можно думать, что во всех цитированных случаях есть момент языковой игры, связанной с усвоением слова: у детей уже достаточно опыта, чтобы понимать, что “переубедить” взрослых не удастся, что понятное “детское” *мазелин* не вытеснит “взрослое” *вазелин*, но дети продолжают свою критику и насмешки над “неразумными” взрослыми словами: идет овладение языком.

С течением месяцев детская полуигровая критика “взрослых” слов становится зорче и тоньше, затрагивая словообразовательные и грамматические форманты. Вот три свидетельства Чуковского: 1) *Трехлетняя Оля с демонстративным упрямством упорно называет свою кошку – коша. И объясняет: Она коша, потому что хорошая, а когда она будет плохая, я назову ее кошка* [30, с. 46]; 2) *Ругаться нехорошо: надо говорить не “иголка с ниткой”, а игола с нитой* [30, с. 46]; 3) – *Что ты ползешь, как черепаха?* – говорю я 3-летнему мальчику. Но он уже в три года постиг, что мужскому роду не пристало иметь женское окончание “а”: – *Я не черепаха, я черепях* [30, с. 31].

Случаи, когда ребенок не играет с внутренней формой слова, как правило, связаны с вопросом о незнакомом слове, которое человек впервые слышит: *Кочегарка – жена кочегара?; Судак – это которого судят?; Почему сверчок? Он сверкает?; Начальная школа – это где начальники учатся?* [30, с. 39]; *Услыхав, что у Вити папа начальник, Юра спросил: Он что, по ночам работает?* В более редких случаях ребенок стремится “извлечь” из внутренней формы слова аргументы в пользу нужной ему трактовки референта (к которому относится слово): – *Мама, вот ты говоришь, что сосульки нельзя сосать. Зачем же их назвали сосульками?* [30, с. 44]. Когда-то такие аргументы любили схоласты, однако уже ренессансные авторы перестали искать истину в этимологии термина.

7.3. Этимологизирование при шизофазии как симптом прогредивности заболевания

В то время как у афатиков этимологизирование не встречается, для шизофрении оно не только характерно, но и системно связано с рядом других речевых проявлений психических недугов данного класса. Если речь афатика подчинена его практической деятельности, а формальная сторона речи зависит от ее содержания, то речь шизофреника, наоборот, становится самооценной. Как писал М.С. Лебединский, “моментами она оказыва-

ется лишенной другой цели, другой задачи, кроме самого речевого процесса, выражающего лишь самые общие аффективные установки больного” [Лебд., 58], и при этом “формальная сторона слова, фонетическая его структура, корень его в речи шизофреника приобретают несвойственное им в здоровой речи высокое влияние” [Лебд., 62].

При шизофазии этимологизирование часто служит аргументом для ложной семантизации слова. Например, больная, объясняя слово *экспроприация*, говорит, что экспроприация «всегда должна проходить без подготовки, так как она происходит от слова “экспромт”» [Лебд., 62]. Другая больная, классифицируя картинки, отнесла корову к растениям на том основании, что корова “тоже растет” [Лебд., 59]. Для больного этимологизирование опасно тем, что в его сознании происходит подмена современной (актуальной) семантики слова его этимологическим значением, при этом в данной ситуации неважно, является ли этимология научно признанной или плодом фантазии больного: в любом случае больной опирается на представления, которые не принадлежат языку в его сегодняшнем состоянии. Ср. рассуждение больной об имени *Юрик*, основанное на квазиэтимологиях: «Ну почему его так назвали – “Юрик”? “Рик” – это крикоподобие... Вы понимаете, буква “ю” – это очень плохое, так сказать, это самое. [...] Буква “ю” – всегда плохое дело у нас, это. Считается крайняя буква в алфавите» [Колм., 127]). Ср. сходный стиль рассуждения в беседе (интервью) между психологом и журналистом [“Независимая газета”, 2008, 10 сентября]. Говоря об оптимизме американцев, психолог задает журналисту вопрос: “– Как бы вы перевели слово *luck*? – [Журналист:] Удача. – [Психолог:] Я бы сказал так – это способ *лакировки*. Лакировка своих проблем, трудностей. Лакировка жизни”. Конечно, такие аргументы лежат за пределами рационального мышления современного человека, но это встречается, и не только в медицинских протоколах.

8. Факторы (не)коммуникабельности

В отличие от афазий как чисто речевых расстройств, вызванных локальными поражениями головного мозга (его речевых центров и механизмов), ослабление коммуникативной направленности речи не является патологией речи и обусловлено более широкими и разнообразными психологическими факторами. В повседневном общении эти причины состоят в недостаточной эмпатии родных и знакомых людей по отношению

друг к другу, что связано с соматическими, информационно-психологическими и иными перегрузками повседневности, в том числе с нарастающей разобщенностью поколений. У дошкольников недостаточная коммуникативная направленность речи связана с их невзрослостью, в частности, с недостаточной психологической эмпатией и слабостью навыков общения. При психических отклонениях шизофазия (прогредиентное ослабление коммуникативной направленности речи) в психиатрии рассматривается как основное проявление шизофренических расстройств.

8.1. “Диалоги глухих” и “квазиобщение” в повседневной коммуникации

В жизни отнюдь не редкость диалоги, когда люди говорят каждый о своем и едва слышат друг друга, не стремясь понять, что и зачем говорит собеседник, и не думая о том, понимают ли их и интересно ли и нужно ли собеседнику то, о чем они говорят, и при этом сами говорят невпопад, не замечая того, что их речь перебивают и что сами они перебивают чужую речь. В исследовательских записях разговорной речи таких диалогов почти нет, потому что интересы лингвистов практически заканчиваются синтаксисом и лексикой высказывания, а коммуникативисты пока предпочитают исследовать более целеустремленное и тактически выстроенное общение (политика, реклама, СМИ, деловые переговоры и т.п.). В пьесах бессвязные и слабоосмысленные диалоги тоже почти не встречаются, потому что драматургам нужен концентрат жизненных коллизий, а не невнятные банальности, неизвестно к кому обращенные. Неслучайно в свое время такой неслышанной сценической дерзостью были ни к кому не обращенные и не связанные с конституацией реплики в пьесах Чехова, а потом разорванные квазидialogи у Беккета и Ионеско (что и создало театр абсурда).

Однако у исследователей русской разговорной речи всё же можно найти записи, близкие к “диалогам глухих”. В книге О.А. Лаптевой “Русский разговорный синтаксис” (1976), в разделе о структурных типах диалога, приведен диалог в автобусе, когда два пожилых человека говорят вроде бы об одном, но связи с репликой собеседника почти нет. Ср.: [А:] *Ну как же мы универмаг уже проезжали Дзержинский.* – [Б:] *Там один всего универмаг. Вот угловой этот и есть.* – [А:] *Мы уже проезжали на углу который.* – [Б:] *А там запись. Народ был. Записывались.* [Лапт. 1976, с. 51]. Налицо неспособность слышать собеседника и отвечать ему, т.е. поддерживать, развивать разговор.

Во многих случаях “диалоги глухих” связаны с теми особенностями сознания, которые называют “зацикленность” или “застреваемость”, “вязкость” мышления и которые известны и в обычной жизни и в медицине. Подобная ситуация находит свое частичное отображение также и в искусстве. Приведу в этой связи начало известного монолога Мих. Жванецкого “Раки”: “Я вчера видел раков по пять рублей. Правда, большие... но по пять рублей... но очень большие... хотя и по пять... но очень большие... правда, и по пять рублей... а сегодня были по три, но маленькие, но по три..., но маленькие... зато по три [...]”. Что здесь вызывает безудержный смех зрителей? Во-первых, многократное повторение одной и той же мысли (т.е. патологическая инертность сознания); во-вторых, тупость и тупиковость такого общения: автор представил затянувшуюся реплику в разговоре, но кто ее адресат, т.е. где партнер диалога? Вопрос риторический: в жизни у таких реплик нет слушателя, потому что диалог превратился в монолог, т.е. коммуникация разрушена.

Смех зрителя (при исполнении этой миниатюры) – это, по-моему, смех сквозь слезы, потому что здесь развернут диагноз старости: почти разрушенное сознание; то его расстройство, которое известно как “вязкость” и “застревание”; в конце концов – одиночество. Характерен финал монолога: “Ну, пошли. Не знаю куда, но пошли. Хотя не знаю куда. Но надо идти. Хотя некуда. Уже три – надо бежать... Но некуда... В том-то и все дело...”.

В языковом существовании конкретных индивидов объемы повседневной коммуникации зависят от того, в каком “весовом” (количественном) соотношении в их сознании соседствуют и как уживаются две группы контрастных характеристик такого рода общения: с одной стороны, “бесцельность”, фактический эгоцентризм и тоска фатических разговоров; с другой, – постоянная и органическая психолого-терапевтическая потребность людей ежедневно проводить в фатическом общении часы или минуты.

8.2. Эгоцентрическая речь дошкольников

Жан Пиаже, в начале 1920-х гг. первым писавший об эгоцентризме детской речи, связывал эту черту с двумя особенностями психики ребенка. Во-первых, ребенок мыслит в слух. Наблюдая, как в детском саду дети рисуют за общим столом, и при этом всё время слышны обрывки негромких фраз, дети как бы объясняют, что и как они рисуют, Пиаже приходит к выводу, что ребенок “ни к кому не обращается. Он просто думает перед своим собственным рисунком, как простолудии-

ны бормочут, работая” [34, с. 10]. По сути, здесь речь – это мышление вслух, еще до его “интериоризации” (как позже скажет Л.С. Выготский) во “внутреннюю речь”.

Во-вторых, эгоцентризм детской речи Пиаже объяснял тем, что в 3–4 года ребенок способен говорить лишь “со своей точки зрения” и не пытается стать на точку зрения собеседника (он просто не подозревает о ее существовании). “Собеседник для него – первый встречный. Ребенку важен лишь видимый интерес, хотя у него, очевидно, есть иллюзия, что его слышат и понимают (за исключением, быть может, собственно монолога, да и это не наверняка). Он не испытывает желания воздействовать на собеседника, действительно сообщить ему что-нибудь: это разговор вроде тех, что ведутся в некоторых гостиных, где каждый говорит о себе и никто никого не слушает” [34, с. 11]. Легко видеть, что неполнота коммуникации у дошкольников связана с несформированностью тех психологических механизмов общения, нарушение которых затрудняет и взрослую коммуникацию (неумение видеть в партнере самостоятельного субъекта коммуникации, неумение поставить цель общения, непонимание интересов партнера и разной значимости для него той или иной информации; неумение видеть различия в реакциях партнера). Однако Пиаже констатирует, что, дошкольники, несмотря на неумение общаться, всё же испытывают не только “удовольствие разговаривать”, но еще и “удовольствие произносить монолог перед другими и этим привлекать – или полагать, что привлекаешь, – их интерес к собственному действию или к собственной мысли” [34, с. 20–21]. Как известно, Р.О. Якобсон тоже считал, что дети первой усваивают именно фатическую функцию: “стремление вступать в коммуникацию проявляется у них гораздо раньше способности передавать или принимать информативные сообщения” [35, с. 201].

8.3. Ослабление коммуникативной направленности речи при шизофазии

Те психологические факторы, которые осложняют повседневное общение здоровых людей, при шизофренических расстройствах проявляются сильно и отчетливо. При этом сама картина шизофазических аномалий оказывается необыкновенно разнообразной – от “словесного салата”, семантически бессвязного, но при этом иногда с нормальным синтаксисом и разнообразной лексикой, до полного отказа от общения (коммуникативный негативизм, или мутизм).

В отличие от афазий, связанных с локальными поражениями левого (“речевого”) полушария,

шизофрения развивается при угнетенности правого полушария, что ведет к ослаблению связи сознания с внешним миром, к ослаблению воли и способности общаться, к “трудностям в установлении теплого эмоционального отношения в ближайшем окружении” [36, с. 17]. Механизмы речи больного сохранены, но ослабляется коммуникативная направленность речи. В русле типичного для шизофрении “а-мотивационного синдрома” (А. Кемпинский) больной теряет способность почувствовать интенцию высказывания, увидеть цель речи в связи с какой-то практической деятельностью; он оказывается не в состоянии реализовать предложенную врачом интенцию (например, составить рассказ по картинке); наблюдается произвольное (неконтролируемое) соскальзывание мысли с предмета речи на другой предмет; отсюда речевая бессвязность и спутанность мысли и речи – то, что называется “разорванность мышления”.

Ослабление коммуникативной направленности речи больного шизофренией сказывается в том, что его речь безэмоциональна и невыразительна мимически, в ней преобладает монолог, больной сосредоточен прежде всего на себе; он безразличен к тому, понимают его или нет; в нем как бы выросло и окрепло то невнимание к словам собеседника, которое встречается в повседневном общении людей без признаков психических расстройств (см. выше о “диалоге глухих”). Временами шизоидная речь напоминает эгоцентрическую речь ребенка, играющего в одиночестве. Такая речь часто не имеет реального адресата; «при нарастающей аутизации больного, во-первых, место реального адресата коммуникации начинают занимать воображаемые собеседники – галлюцинаторные “голоса”; во-вторых, целью коммуникации всё меньше оказывается передача какого-либо сообщения [...]. В конечном счете, речь вообще перестает служить каким-либо коммуникативным целям» [37, с. 325].

9. Различия между сходствами в особенностях детской речи, повседневного общения и речевой патологии: разная этиология и разновекторность развития

Сходства в вольностях и/или аномалиях речепорождения обусловлены двумя группами факторов: 1) наличие в структурированной материи и семантике языка таких форм и значений, которые объективно более трудны для усвоения и использования говорящими (в сопоставлении с некоторыми другими формами и значениями того же порядка); 2) фундаментальная общность

мозговых механизмов речепорождения у представителей вида *homo sapiens sapiens* (взрослых, взрослеющих и с признаками речемыслительных расстройств): а) механизмов, ответственных за синтагматические и парадигматические аспекты речепорождения; б) механизмов метаязыковой рефлексии, осуществляющих контроль процесса речепорождения (контроль адекватности процесса по отношению к интенции высказывания и его логике) и текущую корректировку порождаемого высказывания на основе учета данных, поступающих в сознание говорящего благодаря механизмам обратной связи; в) механизмов, создающих и сохраняющих у индивида намерения и цели коммуницирования, а также психологическую способность к коммуникации (что связано прежде всего со способностью к эмпатии).

Показанные сходства серийных синтагматических и парадигматических отклонений в речепорождении и в способности к коммуницированию, наблюдаемые у детей, взрослых и у людей с признаками речевых расстройств, можно охарактеризовать, прибегая к дарвинистским аналогиям, как “гомологическую” близость, поскольку отмеченные сходства обусловлены общим (для трех групп говорящих) субстратом мозговой речемыслительной активности. Афатические нарушения вызваны расстройствами левополушарных механизмов речепорождения, в то время как сходные явления в детской речи связаны с несформированностью данных механизмов, а в спонтанной речи – с их недостаточной тренированностью и ситуативным ослаблением метаязыкового самоконтроля (что может быть связано как с известным инфантилизмом человека, так и с раскованным и (полу)игровым характером текущей коммуникативной ситуации). Аномалии шизофатического и аутистического типов обусловлены угасанием коммуникативно-социальных потребностей индивида, в то время как сходные явления в детской речи связаны с отсутствием у ребенка психологического опыта и навыков общения, а в повседневной жизни – с ослаблением психологического тонуса человека, развитием эмоциональной опустошенности и депрессивного равнодушия к окружающей жизни.

Векторы дальнейшего развития того или иного синхронно наблюдаемого состояния речевой способности индивида также различны. В детской речи процент неузуальных явлений сокращается по мере взросления ребенка; вольности и небрежности спонтанной речи взрослого элиминируются по мере усиления метаязыкового самоконтроля говорящего (обычно при смене социальных условий коммуницирования: по-домашнему раскован-

ная речь с приходом человека на работу сменяется более общепринятой, а иногда и более официальной); речь, деформированная афазиями, в значительной мере поддается восстановлению; между тем большинство шизофатических расстройств, как и близкие к ним пограничные состояния, ослабляющие коммуникабельность индивида, носят прогрессивный характер.

В разделе 2 говорилось, что детская речь, повседневная речь и речь с признаками расстройств, несмотря на сходства между их отличительными чертами по отношению к своему ближайшему антиподу (соответственно к кодифицированной речи, к взрослой и медицински сохранной речи), находятся в разных коммуникативных плоскостях и не образуют ни иерархии, ни континуума (как непрерывного пространства, в котором значения/свойства образующих континуум объектов, плавно изменяясь, достигают в его полярных зонах контрастных значений). Однако названные три вида коммуникативных практик составляют последовательность иного рода – онтогенетическую, которая соответствует трем возрастным этапам в развитии речевых и коммуникативных возможностей человека: становление, зрелость и деградация. Хотя развитие (или синхроническая динамика) каждого из трех видов коммуникативных практик разнонаправлено, данные о составе материально-языковых отличий каждой из практик от своего антипода, как и данные об их гомологических сходствах между собой, позволяют предвидеть в синхронно наблюдаемой картине спонтанной речи ее последующее состояние.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА (ПО АЛФАВИТУ СОКРАЩЕНИЙ)

Вальт. – Вальтер Х., Вовк О., Зумп А., Конупкова Х., Кульпа А., Порос В. Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004.

Кап. – Капанадзе Л.А. Глава V. Номинация // Русская разговорная речь (РРР), М.: Наука, 1973. С. 403–464.

Колм. – Колумийцева О.А. Опыт психолингвистического анализа речемыслительных расстройств у больных шизофренией // Психологический журнал, 1995, № 1. С. 122–129.

Лапт. 1968 – Лаптева О.А. Активное функционирование устно-разговорных синтаксических построений // Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. В 4 кн. Кн. III. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. С. 344–366.

- Лапт. 1976 – *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976.
- Лебд. – *Лебединский М.С.* К вопросу о речевых расстройствах у шизофреников // Советская психоневрология, 1938, № 3. С. 56–64.
- Левик. – *Левикова С.И.* Большой словарь молодежного сленга. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
- Лур.1975 – *Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во Московского университета, 1975.
- Лур. 1979 – *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Московского университета, 1979.
- Ник. – *Никитина, Т.Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. Более 12 тыс. слов; свыше 3000 фразеологизмов. М.: Астрель; АСТ, 2003.
- РРР 1973 – Русская разговорная речь. / Отв. ред. *Е.А. Земская*. М.: Наука, 1973.
- Тексты – Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. *Е.А. Земская и Л.А. Капаназе*. М.: Наука, 1978.
- Харч. – *Харченко В.К.* Словарь современного детского языка: ок. 10 000 слов; свыше 15 000 высказываний. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005.
- Чук. – *Чуковский К.И.* От двух до пяти [1928]. Минск: Народная асвета, 1984.
- Шир. – *Ширяев Е.Н.* Глава IV. Синтаксис [часть разделов] // РРР 1973. С. 226–266; 288–402.
7. *Сиротинина О.Б.* Разговорная речь. (Определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969. С. 373–391.
8. *Граудина Л.К., Сумкина А.И.* Стилистические изменения в морфологии // Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. В 4 кн. Кн. III: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. С. 175–214.
9. *Лаптева О.А.* Активное функционирование устно-разговорных синтаксических построений // Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. В 4 кн. Кн. III: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. С. 344–366.
10. *Петрищева Е.Ф., Шмелев Д.Н.* Стилистические изменения в лексике // Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. В 4 кн. Кн. I: Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. С. 92–150.
11. Русская разговорная речь. / Отв. ред. *Е.А. Земская*. М.: Наука, 1973.
12. *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974.
13. Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. *Л.П. Крысина*. М.: Наука, 1974.
14. *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976.
15. Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. *Е.А. Земская, Л.А. Капаназе*. М.: Наука, 1978.
16. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
17. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. *Е.А. Земская*. М.: Наука, 1983.
18. *Баранникова Л.И.* О месте разговорной речи в функциональной парадигме русского языка. 1985.
19. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. В 3 кн. / Под ред. *О.Б. Сиротининой*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983–1993.
20. *Мечковская Н.Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. Изд. 8-ое. М.: Флинта; Наука, 2011.
21. *Секерина И.А.* Метод вызванных потенциалов мозга в экспериментальной психолингвистике // Вопросы языкознания, 2006, № 3. С. 22–45.
22. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980 [репринтное издание 1880–1882 гг.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

23. *Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975.
24. *Якобсон Р.О.* Лингвистические типы афазии // *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 287–300.
25. *Якобсон Р.О.* Мозг и язык // *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 270–286.
26. *Ермакова О.П., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
27. *Мечковская Н.Б.* О книге Е.А.Земской “Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь” (М., 2004) // Русский язык в научном освещении, 2005, № 1. С. 200–213.
28. *Мустайоки А.* Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории // Русский язык за рубежом, 2011, № 4. С. 76–86.
29. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Московского ун-та. 1979.
30. *Чуковский К.И.* От двух до пяти [1928]. Минск: Народная асвета, 1984.
31. *Лебединский М.С.* К вопросу о речевых расстройствах у шизофреников // Советская психоневрология, 1938, № 3. С. 56–64.
32. *Мечковская Н.Б.* Лингвистический киберпанк в русском Интернете: функции и виды языковой игры с английскими заимствованиями // *Slavistična revija* [Ljubljana], 2007, № 1–2. S. 47–65;
33. *Мечковская Н.Б.* История языка и история коммуникации: От клинописи до Интернета. М.: Флинта; Наука, 2009.
34. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. СПб.: Союз, 1997.
35. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика [1960] // Структурализм: “за” и “против”: Сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
36. *Кемпинский А.* Психология шизофрении / Пер. с польск. СПб.: Ювента, 1998.
37. *Гришунин Б.М., Добрович А.Б., Фрумкина Р.М.* Патология речи // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 318–327.